(15). Version Femina 25 nov., 2024.
(16). Vogue. Collections Printemps-Ete 2025, 2024.
(17). Femme Actuelle 23 nov., 2024.
(18). Elle France 19 dec., 2024.

Ибрагимова Наргиза Маратовна (доктор философии по филологическим наукам (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы, Навоийский государственный университет;
ibragimovan814@gmail.com)

СВОЕОБРАЗИЕ «ЖЕНСКОГО ПОЧЕРКА» В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. *В данной статье исследуется «женский» художественный почерк в русской и узбекской современной женской прозе, его своеобразие и обусловленность. Характерной чертой для русской и узбекской женской прозы является интертекстуальность, т.е. обилие культурных отсылок, аллюзий, наполненных дополнительным смыслом.*

Ключевые слова: *женская литература, своеобразие женского почерка, повышенная публицистичность стиля, «чужое слово», «вариативность текста», интертекстуальность, исповедальность, библейские цитаты.*

HOZIRGI RUS VA O‘ZBEK NASRIDA “AYOL USLUBI”NING O‘ZIGA XOSLIGI

Annotatsiya. *Ushbu maqolada rus va o‘zbek zamonaviy ayollar nasridagi “ayol” badiiy uslubi, uning o‘ziga xosligi va shartliligi ko‘rib chiqiladi. Rus va o‘zbek ayollar nasrining o‘ziga xos xususiyati intertekstuallik, ya’ni, ko‘plab madaniy murojaatlar, qo‘shimcha ma’noga ega bo‘lgan ishoralar.*

Kalit so‘zlar: *ayollar adabiyoti, ayollar qo‘lyozmasining o‘ziga xosligi, publitsistik uslubning kuchayishi, “birovning so‘zi”, “matn o‘zgaruvchanligi”, intertekstuallik, konfessionalizm, bibliya iqtiboslari.*

ORIGINALITY OF “WOMAN’S HANDWRITING” IN MODERN PROSE OF RUSSIA AND UZBEKISTAN

Annotation. *This article examines the “female” artistic style in Russian and Uzbek modern women’s prose, its originality and conditionality. A characteristic feature of Russian and Uzbek women’s prose is intertextuality, an abundance of cultural references, allusions filled with additional meaning.*

Key words: *women’s literature, originality of women’s handwriting, increased journalistic style, “someone else's word”, “text variability”, intertextuality, confessionalism, biblical quotes.*

Введение (Introduction). Женская проза как социокультурный феномен, продиктованный временем и пространством, актуализировавшими необходимость участия женской половины общества в решении насущных проблем времени вошла в литературное пространство со своими задачами, своей художественной картиной мира, своеобразными художественными изобразительно-выразительными средствами, приёмами и особенностями отображения действительности, т.е. своим творческим почерком.

Анализ источников. И.Савкина основную задачу женской прозы формулирует как необходимость показать истинное лицо женщины, «разбить зеркало, в котором отражается не настоящее женское лицо, а миф о женственности, созданный мужской культурной традицией» [4;5 с.]. Женская проза – воплощение именно женского обобщённого опыта, который совершенно необходимо учитывать обществу. Е.Маркова, описывая женскую прозу, использует метафору «женская книга» [3; 404 с.], объединяя отдельные тексты в единую идентичность (версии женской судьбы). С этим отчасти можно согласиться, не забывая о том, что такая коллективная идентичность, включает все многообразие индивидуального жизненного опыта конкретных художников – национального, религиозного, социального, духовного …Писатель творит всем комплексом его личностных, психологических особенностей, поэтому, рассуждая о женской прозе как особом литературном пространстве, отмечая специфические общие качества, присущие прозе в целом, необходимо учитывать своеобразие, неповторимость творческого почерка конкретных авторов.

Методология исследования. Методология данного исследования определяется совокупностью сравнительно-типологического, структурно-семантического методов, принципов герменевтики и приёмов комплексного литературоведческого анализа художественного текста.

Анализ и результаты исследования. Не претендуя на полное описание тем современной женской прозы (это и невозможно, т.к. всегда существует определенная субъективность в выборе темы), лишь с целью показать некую тематическую обусловленность женского художественного почерка обозначим некоторые сугубо женские темы: тема любви в женской судьбе, «мгла без-

любия», физическое и духовное насилие над женщиной, роды, аборт, материнство, жертвенность женщины, тема семьи, занимающая важнейшее место в женской прозе. Обращаясь к этим темам, по-разному осмысляя их, сопрягая с различным кругом других проблем – экономических, общесоциальных, метафизических, авторы воссоздают свою картину мира. Отражённая в произведении жизнь, жизненные явления, определяющие тему произведения, осознаются и изображаются писателями с определённой женской точки зрения, которая детерминирует идею произведения. Эта идейно-тематическая основа художественного текста реализуется в жизненных картинах, поступках и переживаниях героев, в их характерах, в развивающихся событиях (сюжете), авторской позиции, особенностях речи, композиции произведения и других составляющих индивидуального художественного почерка. Анализ конкретных произведений женской прозы позволяет сделать общие выводы о своеобразии художественного почерка женской прозы, как целостного художественного пласта литературы, т.к. авторов объединяют конкретные общественно исторические условия (конец XX – начало XXI вв.), общее восприятие жизни, рассматриваемой сквозь призму женской психологии, женского отношения к миру, идентичность понимания задач, стоящих перед литературой.

Представители женской прозы расширяют границы традиционной поэтики, в частности, одна новаций – повышенная публицистичность стиля. Под стилем нами понимается художественные особенности творчества, обусловленные мировоззрением, творческой индивидуальностью писателя, избранным им творческим методом. Всё это проявляется в формосодержательной структуре произведения, так как очевидно, что стиль – это эстетическая целостность содержательной формы, единство общеэстетических принципов и формальных компонентов. От других категорий поэтики стиль отличается формой реализации.

Сегодня, в условиях становления глобального техногенно- информационного общества, когда личность подвергается стандартизации и отчуждению, собственное суждение стало своеобразной гарантией целостности личности, её независимого свободного духовного мира, главным признаком рассказов, повестей, романов, представителей русской и, в меньшей степени, узбекской женской прозы становится эссеизм (свободная трактовка проблемы). Автор анализирует избранную проблему, не заботясь о систематичности изложения, аргументированности выводов, общепринятом мнении, ориентируясь исключительно на своё отношение к миру. По сути, в женской прозе происходит контаминация художественного и публицистического (например, в рассказах В.Токаревой «Перелом», «Римские каникулы»; Г.Щербаковой «Дверь в чужую жизнь», «Вспомнить нельзя забыть»; в узбекской женской прозе З.Куролбой кизи «Грех», «Достоинство»; в романах С.Вафо «Увиденное и пережитое скиталицей», «Таинственное царство». Следует отметить, что в узбекской женской прозе эссеизм не столь ярко выражен, он как бы пробивается из глубины жизнеподобия, экстенсивности женской прозы, охватывающей новые, не свойственные доселе литературе, сферы жизни.

Широкое распространение получила проза, фиксирующая малейшие «движения души, противоречивую работу мысли героев» (что свойственно путевым наброскам, эссе, дневникам), иногда писатели используют чисто дневниковую форму, предполагающую максимальное проникновение в глубины души героинь, дифференциацию процессов, происходящих во внутренней духовной жизни персонажей (Л.Улицкая, Г.Щербакова, З.Куролбой кизи). Исследователи творчества Л.Улицкой. (С.И.Тимина, В.Я.Скворцов и А.И. Скворцова, М.А.Черняк) прямо называют прозу Л.Улицкой «исповедальной», отмечая, что она «чутко улавливает нюансы человеческой природы», ей удалось проникнуть в самую глубину сердца [5;105–112 с.], [6].

Характерной чертой для русской и узбекской женской прозы является интертекстуальность, т.е. обилие культурных отсылок, аллюзий, наполненных дополнительным смыслом. Границы произведения при этом размываются, пространство поиска смыслов расширяется. Каноническую формулировку понятиям «интертекстуальность», «интертекст» дал Р.Барт, отметивший, что в каждом тексте на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах присутствуют тексты предшествующей и окружающей культуры [1]. Каждый текст – это новая ткань, сотканная из старых цитат, т.е. опираясь на «чужое слово», автор создаёт свой оригинальный текст, свою картину мира, что можно подтвердить анализом, например, повести Г.Щербаковой «Вспомнить нельзя забыть», романа С.Вафо «Таинственное царство» и др. Девушка Оля (из повести Г.Щербаковой «Вспомнить нельзя забыть»), жившая с родителями, «стройненькая, хорошенькая, училась играть на скрипке, вежливо здоровалась со старшими, а к сверстникам птицей летела навстречу с лучезарной улыбкой» [7;12], мечтавшая, как и многие её сверстницы, «о скоропалительной и бурной любви», повстречала

Жору-пахана, имевшего «уже всяких – со скрипками и ракетками, на пуантах и без, с узенькими лодыжками и глубокими ямками пупочков». Готовая к любви, она распахнула перед ним душу, «и сердце её вздрогнуло: «Вот он!» Оказывается, в школьной программе встречаются точные слова. Знать бы только откуда они <…> И в мыслях молвила: вот он! И она улыбнулась ему доверчиво, как дитя», найдя во вспомнившихся хрестоматийных словах подтверждение своим эмоциям. Обернулась эта доверчивость жестоким насилием, сломавшим судьбу героини. Данная реминисценция отсылает к источнику, который, по мнению автора, читателями будет опознан. Таким образом, создаётся приращение эстетического потенциала текста за счёт расширения смыслового объёма путём отсылок к другим источникам. То же происходит в романе С.Вафо, который представляет собой творческое пересоздание мифической действительности (мифов об амазонках), попытку проникнуть в их сущностные сферы, ассоциативно соотнести с окружающим современным миром, сконструировать новые связи. Для Л.Петрушевской, В.Токаревой и других представительниц русской женской прозы особенно важен интертекст фольклора, библии, классической литературы. Взаимодействие собственно авторского и «чужого» художественного опыта обнаруживается на разных уровнях произведений. Библейские цитаты используются как выражение общечеловеческих истин, как предписание норм поведения. М.М.Бахтин в работе «Слово в романе», рассматривая Библию в качестве догматического текста, отмечает, что «контекст способен исказить точно процитированные слова». В результате происходят «смысловые и акцентные изменения в цитате», которая вступает в «химическое соединение в смысловом и экспрессивном плане» с контекстом, в результате меняется и цитата, и принявший её текст [2;153 с.]. В семантику библейской авторитарной цитаты труднее вносятся контекстуальные смысловые изменения, ибо их «смысловая структура неподвижна и мертва, совершенна и однозначна», однако в современной литературе библейская цитата утрачивает авторитарную функцию и обретает способность изменять своё значение в новом контексте.

Замкнутой моделью сюжета в женской прозе включают ретроспекцию, многоплановость, характеризуется открытой авторской позицией, сочетанием анализа и комментария описываемых событий, использованием разнообразных внесюжетных элементов. Во многих произведениях сюжет выстраивается как бы из непосредственных наблюдений над жизнью, которая проистекает рядом. Таковы, например, произведения Л.Улицкой, З.Куролбой кизи («Грех», «Достоинство», «Женщина»). Страдания и бедствия героев, описываемые авторами, в совокупности создают впечатляющую картину неблагополучия мира. Интересен в этом плане рассказ Г. Щербаковой «Дверь в чужую жизнь». Катя, героиня рассказа, совершенно случайно оказывается в доме, который много лет, как серое чудовище, скрипел, падал, давил её во снах. Когда-то она вошла в этот дом, полная радужных надежд, любимой, как ей казалось, молодой женой. Но счастье было недолгим. Признав выбор сына неудачным, его родители откупились от невестки и выпроводили её восвояси в Северск. И остались от секундного счастья у Кати только брезгливые воспоминания, сын Павлик, родившийся недоношенным уже дома, в Северске, и красное пятно, появившееся на нервной почве и расползающееся от щеки и дальше. А через много-много лет Катя с детьми опять случайно оказалась в этом доме и имела возможность наблюдать семейную драму: отношения жены Коли Ларисы с дочерью Милкой. И опять в ужасе второпях она покидает этот дом. «Какие глупости эта ваша человеческая боль», - подытоживает, замыкая повествование автор.

Многочисленные авторские комментарии и рассуждения расширяют смысловое поле рассказа, активизируют читателя, приглашая к размышлениям: «Нельзя защищаться чужим благородством и чужой порядочностью. Нельзя писать о кодексе чести, а самому суетиться, суетиться…» [7;141 с.] или: «Жить без любви можно только в двух случаях. Во-первых, если не отдаёшь себе в этом отчёта … Живёшь и живёшь. Так делает большинство, потому что любовь – редкость. Как талант. Как сокровище. Как красота. Во-вторых, …Если надо жить во имя больного или беспо-мощного… Потому что есть вещи выше любви…» [7;141 с.]. Весьма своеобразна структура текста повести В.Токаревой «Перелом». Структурная завершённость (замкнутость) сюжета не соответствует смысловой завершённости. Завершённый художественный текст характеризуется «тотальной реакцией автора на героя и вместе с тем адекватной реакцией читателя на героя и автора. Здесь же автор интенционально направляет текст на незавершённость, предлагая тем самым читателю «достроить» первичный текст на своё усмотрение, т.е. возможно создать варианты, логически вытекающие из текста («вариативность текста»).

Заключение. Переплетение точек зрения, мнений и голосов как форма художественного повествования способствуют передаче нюансов духовной жизни персонажей во всей непосредственности и непрерывной смене мыслей, чувств, впечатлений и воспоминаний. Художественная структура текста обогащена множеством пословиц и афоризмов, расширяющих смысловое поле повествования: «Смирение гасит душевное восполнение», «Жалость – сильное и богоугодное чувство, которое ничего не решает, и оно бессильно перед другим чувством – любовь», «Люди летят, как осенние листья, гонимые ветром перестройки» [7;143 с.] и т.д. В отличие от Г.Щербаковой нарратор-повествователь у В.Токаревой («Система собак», «Ничего особенного») лаконичен и предельно краток. Его функция – обращение к имплицитному или абстрактному читателю, функция хроникёра, открывающего текст, знакомящего с главной героиней, уточняющего, конкретизирующего, объясняющего. Это связано с переходом от одной темы к другой, стремлением выразить авторские интенции, подчеркнуть цель повествования, используя при этом принцип повтора: (начнём сначала, начать сначала). Здесь нарратор выступает в разных ипостасях: хроникёр, автор-повествователь и одновременно слушатель устного рассказа. Автор-повествователь, как бы опережая вопросы читателя, тут же на них отвечает и тем самым призывает читателя следовать за ним. Одной из характерных особенностей русской и узбекской женской прозы произвольная, индивидуальная позиция автора. Как известно, идея художественного текста отражает авторскую жизненную позицию. Она не манифестируется, не объявляется автором прямо, но утверждается внутренней логикой целостной структуры произведения, в которой проявляется авторская позиция. Этой логикой и создаётся стилистическое единство произведения при всём многообразии составляющих его компонентов.

Произведения русской и узбекской женской прозы отличаются выразительностью, яркостью, метафоричностью языка, многообразием стилистических приёмов, позволяющих создавать оригинальную и убедительную картину мира.

Список использованной литературы:

(1). Барт Р. От произведения к тексту. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 2008.

(2). Бахтин М.М. Слово в романе. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975, с. 153.

(3). Маркова Е. Жизнь без любви. «Русская душа». Сб. поэзии, прозы современных писательниц русской провинции /wilhemshorst: Verlaq F.K. Gopferst, 1995, с. 404.

(4). Савкина И. «Мария». Литературный альманах. Петрозаводск, 1995, выпуск 2, с. 5.

(5). Скворцов В.Я., Скворцова А.И. Самобытие человека в повести Л.Улицкой «Весёлые похороны», Вестник ВолГУ, серия 2: Филология. Журналистика. Волгоград, 2000, № 5, с. 105–112.

(6). Черняк М.А. Современная русская литература. «Женский почерк» в современной прозе. М., 2005.

(7). Щербакова Г. Вспомнить нельзя забыть. М., ЭКСМО, 2008, с. 12.

Джураева Зулхумор Раджабовна (доцент Бухарского государственного университета, доктор филологических наук (DSc); e-mail: djuraeva.z.r.17@gmail.com)

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ЗОНА КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ

Аннотация. *В статье освещен вопрос конструирования ассоциативного поля концепта «женщина», дается характеристика структуры концепта, состоящего из ядерной и периферийной зон. Актуальность изучения ассоциативных полей концепта «женщина» определяется важностью дескрипции ассоциаций народа на основе индивидуальных гендерных представлений.*

Ключевые слова*: концепт, ассоциативный эксперимент, респондент, ядро, периферия, ассоциат.*

Djurayeva Zulxumor Radjabovna (Buxoro davlat universiteti dotsenti, filologiya fanlari doktori (DSc); e-mail: djuraeva.z.r.17@gmail.com)

RUS VA O‘ZBEK TILLARIDA “AYOL” KONSEPTNING PERIFERIK ZONASI: ASSOTSIATIV MAYDON

Annotatsiya. *Maqolada “ayol” konsepsiyasining assotsiativ maydonini loyihalash masalasi yoritilgan, yadro va periferik zonalardan tashkil topgan konsepsiyaning tuzilishi tavsifi berilgan. “Ayol” konsepsiyasining assotsiativ sohalarini o‘rganishning dolzarbligi individual gender g‘oyalari asosida xalq uyushmalarini tavsiflashning ahamiyati bilan belgilanadi.*